

И.И. Курилла: Исторические тексты влияют на наше представление о «правильном» или «неправильном» будущем.

.Хотел бы вернуться к конструктивистскому подходу, поскольку история – примерно, в такой же мере производная настоящего, как и производная прошлого, поскольку это диалог между нашим сегодняшним обществом и тем, что прошло, тем, что было раньше. Очень интересно посмотреть, как выстраивается этот диалог между современной Россией, современным обществом мировым, и событиями, которые мы обсуждаем, - распадом Советского Союза и перестройкой.

Во-первых, образ распада Советского Союза, 1991 года, очень поразному конструируется внутри России и за ее пределами. Да и за пределами России есть разные варианты. Потому что одно дело – Восточная Европа и страны постсоветского пространства, для которых это история обретения независимости, другое дело – Соединенные Штаты Америки, в которых распад Советского Союза конструируется как синоним окончания холодной войны. Если мы посмотрим сегодняшние монографии о конце холодной войны, то увидим, что с точки зрения дискурса, доминирующего в Соединенных Штатах, это одно и то же. Там один Джек Мэтлок борется против такого отождествления, он который говорит: нет, холодная война закончилась отдельно, а распад Советского Союза это другая история. Но он в меньшинстве. В большинстве монографий и в обсуждениях это синонимы.

Из этого следует несколько очень интересных вещей. Я не буду на всем останавливаться. Василий Жарков говорил здесь о том, что деконструкция СССР началась в 1939 году, и я не совсем с этим согласен. Но любопытно, что если мы посмотрим на период после 39-го года, и если принять эту точку зрения, то окажется, что Советский Союз удерживался силой холодной войны, что холодная война – это был такой *raison d'être* и вообще основа существования Советского Союза. Когда холодная война закончилась (усилиями Михаила Сергеевича Горбачева, прежде всего), то это, собственно, и обвалило Советский Союз. Потому что больше не осталось

причин для его существования. Но эта картина появляется, если мы встанем на позицию, в которой распад Советского Союза тождествен окончанию холодной войны.

Если же мы перенесемся в российский дискурс, то мы увидим, что здесь все совершенно по-другому, и эта мысль уже прозвучала здесь.

Однако я бы оспорил мнение, что 91-го года нет в нашей памяти. Он, конечно в ней есть. Но какую роль он в нашей памяти играет?

Я бы здесь еще вспомнил о том, что история – это не только анализ или создание образа прошлого. Как правило, исторический нарратив создается для влияния на будущее, как нас Хейден Уайт учил. Исторические тексты влияют на наше представление о «правильном» или «неправильном» будущем.

В этом смысле распад Советского Союза есть в нашей памяти и используется, и бытует на уровне общественного сознания как некая «страшилка», угроза того, к чему могут привести реформы. «Вот Михаил Сергеевич Горбачев начал реформы, а закончилось тем, что страна распалась».

В этом смысле распад Советского Союза используется как некий конструкт, сдерживающий реформы или объясняющий, почему сегодняшнее российское руководство не реформы начинает, а, наоборот, пытается законсервировать все, что существовало. Потому что альтернатива замораживанию – перестройка, приводящая к распаду страны. И это очень четко сформулировано и повторяется.

Я бы поэтому не сказал, что 91-го года нет в современном российском дискурсе – он есть. Но вот в таком виде, - как то, чем нас пугают.

Если же говорить о «вытеснении», - я согласен с Никитой Павловичем Соколовым. Это, наверное, более удачное слово, чем «табуированная тема». И оно удачно еще и потому, что это терминология травмы, работы с травмой. Вытеснение существует там, где есть травма. И действительно травма есть, существует в общественном сознании.

Здесь есть еще такой подход. В написанной десять лет назад книге Фрэнка Анкерсмита есть интересное рассуждение о том, каким образом формируется наша идентичность. Та идентичность, которую мы сами можем отрефлексировать, – это уже ушедшая идентичность. То есть мы себя отождествляем с тем, над чем мы можем рефлексировать. И это уже не мы сегодняшние. И в этом смысле мы хорошо, наконец, отрефлексировали – или сейчас приступаем к рефлексии – над советским человеком. И мы начинаем о себе думать как о советских людях. В то время как на самом деле уже 25 лет прошло. Но сегодня мы не можем рефлексировать над тем, кто мы есть, поскольку наша эпоха еще не завершена. Распад СССР, 91-й год – это та травма, тот рубеж, который, по Фрэнку Анкерсмиту, является важнейшим для понимания того, как формируется наше сегодняшнее представление о себе.

Возвращаясь к тому, что я сейчас чуть выше сказал, о том, что актуальность прошлого вызвана сегодняшней повесткой дня, сегодняшним представлением о том, что важно и чего стоит бояться.

Мне кажется, что мы можем какую-то активную роль в этом сыграть, в том числе, историческое сообщество. Я не соглашусь здесь с Никитой Соколовым, сказавшим, что оно у нас совсем разобщено. Мне кажется, из всех профессиональных сообществ за последнее время только историки себя как-то проявили достаточно активно в общественном пространстве.

Тот же «казус Мединского» или создание Вольного исторического общества – это, во всяком случае, попытка действовать как единое сообщество. То есть по сравнению со многими другими существующими профессиональными сообществами у историков... я не скажу, что все очень хорошо, но лучше, чем у многих.

Если мы можем сказать об активной роли исторического сообщества в том, можем ли мы повлиять на наши представления о 91-м годе, перестройке, то здесь очень интересно все-таки поговорить о новой актуальности перестройки. То есть актуально обсуждение того, могут ли существовать

реформы, которые не приведут к распаду государства. Надо разделить эти вещи, которые на самом деле в общественном сознании слеплены. Конечно, пропаганда это использует и подтверждает каждый раз. Так могут ли существовать реформы без итогового распада?

Потому что в общественных дискуссиях, там, где к этому вопросу обращаются, я вижу либо крайне консервативные, либо радикальные взгляды, - мол, да, реформы обязательно приведут к распаду страны, в нашем случае к распаду России, но значит, тем, кто хочет проводить реформы, - не жалко страны. Значит, хорошо, что она распадется, главное, чтобы реформа прошла. Такая точка зрения противопоставляется связке «реформы-распад» вместо того, чтобы предположить, что могут быть реформы, которые не приводят к распаду страны.

Мне кажется, что этого обсуждения в общественном пространстве нет. И его стоило бы, наверное, инициировать. Тут активную роль историки и, наверное, Фонд Горбачева могли бы сыграть.